

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ

ГОГОЛЬ БЕССМЕРТЕН

Юмор и гумор

Пришел товарищ на заседание серьезной организации. Вопрос повестки дня глубокомысленно обсуждался, каждый из выступающих о себе думал, или, точнее, мнил высоко. Каждый представлял из себя довольно своеобразный художественный тип. После заседания мы вышли, переглянулись и изрекли: **“Да, Пушкин наше все, но Гоголь бессмертен”**.

Велик, велик Николай Васильевич, не только в прошлом, но пронизательным взглядом пронизывал настоящее и, возможно, будущее. Архетип-то остался!

Юмор и гумор

Эти два слова стоят у меня в книжечке вместе, потому что одного смысла, но оттенки всё-таки есть. Юмор широк, разливист, может касаться всего. Иногда тоньше, иногда покрепче и “на грани”.

Гумор – хитроват, кажется более наивным, но столь же задирист и глубокомыслен, смешлив и поучителен.

Юмор – это по-украински гумор, а гумор – это по-русски юмор.

Два народа умели пошутить над собой, да и друг над другом, а уж если над ворогом, то пощады не давали. Чего только стоит одно письмо турецкому султану от запорожских казаков всех национальностей.

Вот и получал я этот и целебный нектар с цветков России и Украины, от хохлов и кацапов, чьи прозвища давно уже не царапались, а выражали больше задиристую насмешку. Украинцы и русские давно создали улыбчатый союз, а может даже всепобеждающий блок, что посильнее всякого НАТО.

В этой книжечке собраны выражения, высказывания, забавные истории и ситуации, с которыми мне лично удалось столкнуться, услышать, которыми делились со мной знакомые и близкие в школе, в университете, на комсомольской работе, в издательском деле, на державных дорогах власти, в писательских буднях, да и просто на отдыхе или на прогулке. Тут и мудрые высказывания стариков на ферме и провинциальных патриотов, вождей и людей, не претендующих на руководство. Рассказы с хитрым прищуром и наивная смешная простота, в которых я никого не хочу осмеять, а улыбнуться вместе с ними.

Обовязково обмануть...

В юности я пытался быть лектором, да и был таковым в ЦК комсомола Украины и в Николаевском обкоме комсомола. У меня в запасе было три лекции: отпечатанная одна об истории комсомола, вторая была о международ-

ном положении (это дело я любил) и третья, пользующаяся наибольшим успехом у девушек-доярок, когда приходилось выступать на фермах. Девушки задавали вопросы, каверзные для лектора: “А якщо вона (то есть другая) приходит и хлопця заманує? А це дружба називається?” Лектору приходилось выкручиваться, объяснять на классических примерах литературы. Но это не помогло. Дружба – дружбой, а любовь – любовью.

Старики, скотники и механизаторы усаживались плотно на первых рядах и хотели до глубокой сути разобраться в международных делах. А были они часто люди “подкованные” и бывалые. Служили раньше в армии, слушали политинформации, а некоторые даже воевали – так что “политику” знали и шагами измерили.

Помню, когда, приехав, объяснял очередную денежную реформу – хрущёвскую. Раньше, при Сталине, бывало всё ясно: цены понижают – хорошо, но мало. А тут реформа была связана с 10-кратным понижением цен и зарплаты. Вроде бы ясно: всем поровну и одинаково ниже. Я с комсомольским энтузиазмом объяснял это на очередной ферме. Сидевший на первом ряду, повернувший ко мне ухо дед недоверчиво покачивал головой. Я начал кипятился: ну, все объясняют нам в правительстве, что ясно, как десять к одному: если понизятся цены, то понизится и зарплата – всё станет дешевле в десять раз. Дед снял кепку, чтобы лучше слышать, но всё равно покачивал головой. Я начал сердиться, покраснел, размахивал руками, но дед, вздыхая, согласия на такую реформу не давал. Как будто кто-то его и спрашивал. Потом, видя, что я совсем удручён и расстроен, махнул рукой, встал и грустно, как бы наущая и жалея, мне сказал: “Ну, сынок, ладно, хай буде так, но не знаю де, не знаю як, но обманють! Обов'язково обманють! Вот это “обов'язково (обязательно) обмануть!” научило меня на всю жизнь, показало всю необязательность и обманность многих реформ. Не знаю де, не знаю як, но обманють! Обов'язково обманють!

Наши дети крупнее

В 70-х годах во главе делегации советской молодёжи я поехал в США. В делегации были ребята из Грузии и Литвы, а также группа комсомольских активистов и журналистов из РСФСР. Советскими почему-то называли себя только русские ребята, а грузины гордо и громко произносили, что они грузины, а литовцы, правда, потише, что они литовцы. Русские, как и сегодня, затолканные в понятие “россияне”, не стеснялись, что они советские. В делегации была девушка из Иркутской области, секретарь комсомольской организации, строитель, кажется, даже на кране работала. Ну, в общем, из Иркутска тогда не так часто в США ездили, и я представляю, как её наставляли перед отъездом в обкоме комсомола, возможно, и в обком партии вызывали. Надя была девушка красивая, смотрела на мир уверенно. Везде, где мы побывали – на заводах, в комбинате питания, на стройке, в гостинице гордо говорила: “А у нас в Братске лучше, а у нас в Иркутске красивее”. Журналисты наши, народ ехидный, над ней подтрунивали. Я решил как-то её защитить, утихомирить насмешников. Сказал ей: “Знаешь, Надя, тут, в Америке, тоже что-то хорошее есть, ты присмотришься – может, полезное что-то или красивое”. Она подумала, согласилась вроде бы. В Чикаго мы были в муниципальном детском садике, разукрашенном, с массой игрушек, сменной одеждой, с невиданным количеством фломастеров (у нас они тогда только появились). Выходим, журналисты жмутся к Наде. Что скажет? Она подходит ко мне, минув их, и громко говорит: “Валерий Николаевич, неплохой детский садик, неплохой, опрятный! Но вот что я Вам скажу...” Все напряглись. “Наши дети крупнее!”. Все задумались и хохотнули. Я же подошёл к ней и поцеловал.

В колхозе должен быть порядок

В 1990 году я в составе делегации Союза писателей России был на декаде русской литературы на Ставропольщине. В переполненном зале вышел и рассказал о книжке “Адмирал Ушаков”, которая вышла в серии ЖЗЛ. Зал внимательно слушал, но видно было, что аудиторию волновали проходящие перемены, разрушающая перестройка, и я вспомнил недавно рассказанную историю.

Вся страна знала известного председателя колхоза с Одесщины Макара Посмитного, дважды Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета.

Он неоднократно бывал за границей, человек был авторитетный, и вот недавно его взяли в составе делегации Верховного Совета в Англию. Пригласили в ЦК, рассказали о наших связях, о британских делах. С докладом в Англию Посмитный не выступал. Но англичане пригласили его на Би-би-си, и корреспондент с ехидной улыбочкой задал первый вопрос Посмитному: “Скажите, пожалуйста, господин Макар Посмитный, как у Вас относятся к демократии?” Макар Иванович погладил усы и спокойно и рассудительно ответил: “Демократия – це дело хорошее. Демократию мы любим и уважаем, – потом подумал, что-то вспомнил, ударил кулаком по столу и ответил, – но у себя в колхозе я люблю порядок!”

Аудитория в Ставрополе взорвалась аплодисментами, всем в области, недавно возглавляемой Михаилом Горбачёвым, хотелось порядка. Но он так и не наступил. А в союзном колхозе (колхозе), конечно, рядом с уважаемой демократией должен быть порядок.

Стриптиз на удочку

Югославия. 1962 год. Приглашён в город Дубровник на совместный югославо-американо-русский семинар о международных делах. Сделал чёткий доклад о нашем миролюбии, предварительно показав его в КМО (Комитет молодёжных организаций). Сходил днём на пляж, надел, к некоторому удивлению американцев, плавки с завязывающимися сбоку тесёмками. А у американских коллег были какие-то космические одёжки. Ну, да ладно, и в наших плавках в глубину Адриатики нырять можно. Вечером югославский руководитель Союза студентов (а я шёл по разряду студентов МГУ) пригласил проехать по ночному Дубровнику. Я с осторожностью согласился. Отношения с Югославией налаживались, но не всё ещё было ясно. Известен был анекдот того времени о том, как едут Хрущёв, Кеннеди и Тито по дороге. Кеннеди включает правый поворот и поворачивает направо. Хрущёв включает левый поворот и поворачивает налево, а Тито включает левый поворот, а поворачивает направо. В общем, мы не знали тогда, куда поворачивает Югославия, хотя и сами неизвестно куда рулили. Студенческий лидер, однако, был довольно гостеприимным и дружелюбным, завёл в один бар, где играл оркестр, во второй, где выступала какая-то шоу-группа, а потом спросил: “Хотите посмотреть стриптиз?” Честно говоря, я не знал, что это такое, а спрашивать не хотелось. Кивнул неуверенно головой. В полутёмном зале нам принесли джинс с тоником. Заиграла музыка. Вышла девушка и неожиданно для нас стала раздеваться. Да и не вульгарно, а подавая удочку, чтобы посетитель снял крючком ту или иную одёжку. Вот уже кофточка снята, вот юбочка, кто-то зацепил за бюстгалтер. И вот, грациозно приплясывая, она направляется к нашему столику. В голове пронеслось: завтра зловредная югославская “Борба” или, ещё хуже, “Политика” даст фотографию, как советский студент раздевает ночную диву в кабаке. Это было ужасно! А она действительно подходит к нашему столику и протягивает мне удочку – снимай. У меня оказалась блестящая реакция, я сказал: “Ну, хозяйева это умеют делать лучше нас”, – и протянул удочку студенческому лидеру, который спокойно и неторопливо снял удочкой трусики. Бокал с джином я поспешно выпил. Фотография советского студента в югославской “Борбе” не появилась, а на стриптиз я больше не ходил.

Не с той стороны

Марина Журавлёва, секретарь комсомола, симпатичная женщина, одевающаяся со вкусом и по современным тогда меркам, приехала в студенческий Харьков, ибо она отвечала в комсомоле за студентов. После походов в вузы и встреч обкомовцы вывезли Марину на берег Донца, где зажгли костёрчик, ожидая уху. Марина сидела с ними в коротенькой юбочке, коленки её, естественно, обнажились, и на одно из них сел комарик. Простодушный и довольно услужливый секретарь по работе с сельской молодёжью закарпатец Вася Ярошевец развернулся и довольно увесисто хлопнул по коленке, пошутив при этом: “У нас кажутъ: видкиля комар прилетив, то оттуда и жених буде”. На ко-

ленке лежал прибитый комар, да виднелось красное пятно от Васиного шлепка. Марина, интеллигентная ленинградка, сначала опешила, а потом сказала: “Я очень рада, Василий, что комар не с вашей стороны прилетел”. А Вася потом долго повторял: “Вот эти ленинградки, с ними и пошутить нельзя”. После этого визита Марина к харьковчанам больше не ездила.

Наши боги сильнейше...

В издательстве “Молодая гвардия” публиковалось много интересных людей с яркими биографиями. Вот пришла к нам известная ещё до войны Мария Демченко. Она была известной свекловодкой, получившей 500 центнеров с гектара. За это Сталин лично вручил ей орден Ленина. А случай она рассказала поучительный. Получив орден, она приехала в село и сказала родителям: снимайте икону и вешайте портрет Косиора (был такой первый секретарь ЦК компартии Украины). Косиора повесили. Через год его арестовали. Батяка с вопросом посмотрел на дочь. Мария неуверенно сказала: “Давай повесим туда портрет Постышева, который стал первым секретарём ЦК компартии Украины”. Через год Постышева тоже арестовали и расстреляли. Отец вздохнул, пошёл в чулан, достал икону, не злорадствуя, повесил вместо Постышева и негромко сказал: **“Ни, дочка, наши Боги сильнейше”**.

Ценку эту Мария в книжку не вставила, но слова народные – **“наши Боги сильнейше”** – были убедительны.

Маршал на коленях

Из Николаева меня послали на конференцию Одесского военного округа. Командующим там был генерал армии Бабаджанян. Он выступил перед комсомольцами и встретился с нами, представителями областей, входящих в округ. Так мы и познакомились. Вскоре он стал маршалом. Я предложил ему написать книгу о войне. Маршал писал с энтузиазмом, приезжал в издательство. Это было событие: не каждый день в издательстве был маршал, хотя и бывали. Он зашёл ко мне в кабинет, рассказал, как пишется, и заметил, что я держусь за поясницу, участливо спросил: “Что, болит? А ты знаешь, как вылечить? Смотри!” Маршал встал на колени, сразу поднялся, потом ещё раз встал на колени. И тут открылась дверь, и вошёл наш боевой фотограф Михаил Харлампиев и, как всегда, с фотоаппаратом. Сразу же сделал щелчок и вот – потрясающее фото: маршал на коленях перед издателем. Бабаджанян не спеша встал и показал кулак. “Если фото появится – танки в издательство введу”. Михаил был фронтовиком, твёрдость и непоколебимость танкистов знал, поэтому сказал: “Засвечиваю, товарищ маршал”, – и щелкнул объективом. И уже выходя, сказал: “Я бы эту фотографию за миллион рублей продал”. Маршал хохотнул: “Я бы и сам за миллион продал”.

Муж принял это сообщение с пониманием

В отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ мы собирались после больших поездок и обсуждали итоги. Я гордился, что по моей записке, направленной в ЦК партии, город Комсомольск-на-Амуре был награждён орденом. Это было событие, но я не мог поехать. В эти дни была встреча молодых писателей в Вешенской у Шолохова, которую я организовал. Туда приехал наш инструктор Слава Гурьев, создатель целого ряда афоризмов. Он доложил, как прошёл праздник, какое было веселье и радость, какой яркий был фестиваль, но от выстрела ракеты, которая упала в толпу, погибла женщина. Повисла гнетущая тишина. Люся Милянчикова с ужасом спросила: “А как муж?” Слава помолчал и, подбирая слова, сказал: **“Муж отнёсся к этому с пониманием”**. Ну, в общем, и смех, и грех. А Слава прослыл женоненавистником, хотя и женщина, как выяснилось позднее, выжила.

По газонам не ходить

В санатории Красиво на Белгородчине всё сверкает и сияет, цветёт и пахнет. По территории гуляют яки, антилопы, пони, есть даже два медведя. В прудах плавают лебеди, гуси, утки. На ветках и в клетках сидят фазаны, павлины,

куропатки, сверху, со своего роста, на них глядят страусы. Да, в общем, чего и кого тут только нет.

Когда мне звонят из Москвы и спрашивают: какой курс лечения я принимаю, то, в зависимости от времени года, говорю: “Прохожу курс тюльпанотерапии, розовые воздушные ванны или рябиновые успокаивающие капельницы”. Человек необычайной и во все проникающей энергии, генеральный директор этого райского хозяйства, где несколько лечебных корпусов, масса медицинских кабинетов и сверхвежливый, красивый и заботливый персонал, Галина Дмитриевна Черкашина – заботница от Бога и губернатора Савченко, который только приговаривает ей: “Смотри, только не хуже, чем в Швейцарии, обойди по услугам Испанию, дай фору Сочи и Ялте”. И каждый год в санатории что-то прибавляется: и зимний сад, и корпус для научных конференций, банный комплекс на берегу речки Псел и блистательный аквапарк, и новые пруды, и водоёмы, виноградные поля и клубничные плантации. В общем, чего тут только нет. Народ не успевает следить за новациями.

Решили там в потаенных местах выставить всякого рода фигуры. Так встала на клумбе в окружении приземистых кустов фигура Венеры Милосской. Ну, не оригинал, конечно, но довольно приличная копия. Уборщица, которая убиралась вдоль дорожек парка, ещё вчера фигуру не видела и настойчиво предложила ей покинуть клумбу. Та, естественно, продолжала стоять. Уборщица решительно потребовала уйти с клумбы, а потом воскликнула: **“Вы же знаете, женщина, что по газонам ходить нельзя!”** Стоявший рядом народ захотал, а тётушка, наконец, увидела, что это скульптура, махнула рукой и сказала: “Всё равно по газонам ходить нельзя”.

А у Вас гирише...

Приехав из Москвы, приветствую в Киеве моего друга Бориса Олейника в связи с 60-летием в актовом зале “Украина”. Годы напряжённые, с одной стороны, резко выступают “свидоминезалежники”, с другой – “отпетые патриоты”, а плоды народного труда делят “новые русские” и “новіукраїнці”, но в основном, “старые евреи”.

Я начинаю слово: “Приветствую Вас, Борис Ильич, от секретарей Союза писателей России – Бондаренко, Дорошенко, Барановой-Гонченко...”. В зале смех: вот на каких ресурсах человеческих живут москали. Я продолжаю: “А также от Юрия Бондарева, Михаила Алексеева. Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Карпова, Петра Проскурина...” В зале аплодисменты.

* * *

На фуршете Борис Олейник благодарит: “Я тебе бажаю счастья, Валера, повной хаты, добрых людей и щоб сала було богато... – потом хитро прищурился и закончил, – но я же хохол и хай у мене буде теж все це, но трошки бильше”. Хохочем. Я отомстил: “Вот ко мне недавно позвонил Миша Шевченко (секретарь письменников Украины) и спросил: “Ну, як там у вас в Москви?” – “Плохо, Миша, плохо”. – “Ой, тай у нас погано. А як влада?” – “Да, какая там власть, бандиты с большой дороги!” – “Ой, тай у нас теж саме! А як президент?” (Ельцин недавно расстрелял парламент, в стране олигархический разбой.) Я говорю: “Хуже некуда” – “Ой, и у нас такой же!” Потом помолчал и сказал: **“Ни, у вас ще гирише”**. Всё-таки патриот Украины Миша. Посмеялись тоже.

ИСТОРИИ ПРО СТАЛИНА

Засядько норму знает...

Нашим автором в “Молодой гвардии” был светлый и весёлый поэт Феликс Чуев. Отец у него был лётчиком, погибшим во время войны, и Феликс был влюблён в авиацию. Но главная его и бесстрашная любовь в те времена была любовь к Сталину и как руководителю государства, и как человеку великих масштабов, и как рачительному и внимательному человеку, и как экономисту и философу, и как хозяину и человеку техники, науки, культуры. Он мог гово-

рять о нём часами, подвергаясь осмеянию, оплевыванию и даже общественному порицанию. В этой любви и восхищении ничто не могло его остановить. Он знал все факты биографии, встречался с военными, изобретателями, государственными деятелями, бескомпромиссно выступал с опровержениями антисталинских высказываний, хотя зачастую у него не хватало, да и не могло быть исчерпывающих аргументов. Он записал тогда беседы с Молотовым, Кагановичем, Головановым, маршалом Рокоссовским и многими выдающимися людьми сталинской эпохи. Сейчас это бесценные документы. Но ещё он был неистощимым балагуром, знавшим много придуманных и истинных историй и анекдотов о Сталине. Мне запомнились, по крайней мере, три из этих историй. Феликс рассказывал:

— Это было до войны. Одна из шахт в Донбассе постоянно давала план или даже превышала его. Сталин попросил вызвать директора этой шахты. Прибыл гигантского вида шахтёр, который и организовал эту работу. Это был Засядько. Сталин расспросил его обо всём, а потом задал вопрос: “Товарищ Засядько, а вы водку пьёте?” Тот ответил: “Конечно, пью”. — “А стакан можете выпить?” — “Могу”. — “Наливайте”. Засядько налил и выпил. “А второй можете выпить?” — “Могу и второй”. — “Наливайте и пейте”. Засядько выпил. “А третий можете выпить?” Засядько вытер губы и сказал: **“Нет, Засядько норму знает”**. Сталин отпустил его, а через несколько месяцев предложил назначить наркомом угольной промышленности.

На Политбюро произошло обсуждение. Каганович сказал: “Засядько же крепко выпивает”. Но Сталин возразил: “Нет, товарищи, Засядько норму знает”.

Ну и шуточки...

Вторую историю не знаешь, куда отнести: то ли к шуткам, то ли к издевательствам. Носенко во время войны возглавлял один из оборонных комитетов. Однажды, находясь в Кремле в 1943 году, он увидел Сталина, который проходил мимо и сказал ему: “Носенко, а ты ещё не сидишь?” Носенко пришёл домой, ничего не сказал жене, но попросил подсушить сухари, приготовить смену белья и положить всё в чемоданчик. Проходит месяц, два, полгода. Носенко снова в Кремле в 1944 году, получает задание и слышит снова реплику Сталина: “Носенко, а ты до сих пор не в тюрьме?” Бедный Носенко пришёл домой чёрный, перепроверил чемоданчик — там всё было готово, как и прежде. Месяц, два, пять. Победа. На заседании Политбюро Сталин всех поздравляет, благодарит за работу и, обращаясь к Носенко, говорит: **“И мы ещё находили время для шуток, так, товарищ Носенко?”**

Ну и шуточки, после которых надо было сушить сухари. И Феликс зарзательно смеялся.

А Варшава была

В 1945 году в Москву из Лондона приехала делегация с эмигрантским польским премьером Миколайчиком. Надо было определить новую границу по так называемой линии Керзона, установленной после Первой мировой войны. Миколайчик кипятился, требовал установить границу по линии 1939 года. Сталин был спокоен: советские войска не только освободили Польшу, но вели наступление на Берлин. Западные земли Украины и Белоруссии, конечно, отошли Советскому Союзу (о чём надо постоянно напоминать бандеровцам и западенцам, чьи войска участвовали в борьбе с нашей армией). Миколайчик воззвал: “Отдайте нам Львов! Он ведь никогда не был русским городом” (он был в подчинении Австро-Венгрии). Сталин спокойно выслушал его и сказал, раскуривая свою трубку: **“Львов не был, а Варшава была”**. Возражать было бессмысленно. Вот эта державность и привлекала Феликса.

Загадочное и таинственное слово

В 1929 году, как рассказывал мне один застарелый украинофоб, секретарь ЦИК Украины Скрынник решил начать украинизацию населения, которое, как и сейчас, в большинстве своём говорило по-русски. Он обратился к “Всесоюзному старосте”, Председателю ВЦИК СССР Михаилу Ивановичу Калинину с просьбой выделить средства на эту кампанию. Калинин спросил: “Сколь-

ко тебе надо, ведь у нас идёт усиленная индустриализация?”. Скрынник сказал, что надо один миллион золотом. Калинин всплеснул руками: “Да ты что? Скажи, как по-украински будет голова?” — “Голова”. — “А рука?” — “Рука”. — “А нога?” — “Нога”. — “А спина?” — “Также спина”. — “А жопа?” — “Так жопа будет срака”. — “Так что, я тебе на сраку один миллион должен дать? Нет, давай будем проводить индустриализацию”.

* * *

Действительно, с этим словом какие-то странности. Учительница спрашивает:

- Назовите дети слово на букву “ж”. Ты, Леночка.
 - Жук, Мария Ивановна.
 - Правильно. А ты, Вася.
 - Железо.
 - Ну, тоже правильно.
 - А ты, Вовочка, только без фокусов.
 - Жопа.
 - Ну, Вовочка, такого же слова нету.
 - Как же так, Мария Ивановна, жопа есть, а слова нет?
- Да, дети ставят иногда в тупик своими вопросами.

* * *

Мария Ивановна говорит: “Сегодня, дети, мы будем объяснять слова. Вот что такое катастрофа? Скажи, Наденька”. — “Мария Ивановна, катастрофа — это когда два козлика идут по брёвнышку, бьют друг друга рожками и падают в воду. Это катастрофа”.

— Нет, Наденька, это **беда, а не катастрофа**, а катастрофа, когда летит самолёт, там сидят богатые люди, олигархи, самолёт взрывается и падает, а богатые люди погибают. Это катастрофа. Скажи, Наденька, что такое катастрофа?

— Ну, катастрофа — это когда богатые люди летят на самолёте, он взрывается, они падают и погибают. Это катастрофа. Но это не беда, а беда, когда два козлика идут по брёвнышку, бьют друг друга рожками и падают в воду.

Такова детская логика...

Не примем... Очень умный...

Приём в члены Союза писателей — процесс непростой. Нужна книга, или две, три рекомендации от членов Союза, решение общего собрания и утверждение Центральной приёмной комиссией.

Однажды я находился в Туле на прекрасном Толстовском празднике. Очень содержательный доклад сделал завкафедрой университета, потом я узнал, что у него почти десять книг по литературоведению. Я потихоньку спросил у ответственного секретаря писательской организации: “По-моему, интересный литератор, писучий, с мыслями, принимать в Союз надо”. Пахомов, серьёзный и многоопытный секретарь Союза, помотал головой и твёрдо ответил: “Нет, не примут наши”. — “Почему?” — “Очень умный”. Такой вердикт не так редко встречается у наших коллег. Ум для многих опасен.

Пушкин — якутский писатель

В Советском Союзе была блестящая школа переводчиков, которые русских писателей делали близкими, понятными и родными для народов страны.

На одном из пленумов Союза писателей прекрасный народный писатель Якутии Николай Лугинов, лауреат многих общероссийских и республиканских премий, пишущий на якутском и русском языках, сказал: “Я жил в улусе и до третьего класса считал, что Пушкин — якут и якутский писатель”. Так можно превосходно перевести и сделать Пушкина якутским народным писателем! Слава советским переводчикам! Где они?

“Всё потеряем...”

На улице Грановского привилегированная больница. Там лечатся депутаты Верховного Совета, члены ЦК, Герои Советского Союза, министры и их заместители. Я попал туда с приступом желчекаменной болезни как главный редактор “Комсомольской правды”. Лечат, как везде, но более внимательно. Родственников в определённое время пускают. Но вот к одному замминистру запустили жену во внеурочное время. Она зашла в палату, а там мужёнок развлекается с медсестрой. Та выскользнула, а жена, недолго думая, схватила тапочки и стала бить мужа и кричать: “Ну, гад, я тебе суп принесла, а ты тут амурничаешь”. Потом выгнала его тапком в коридор, добавляла довольно громкую ругань. Муж бегал по коридору, уклонялся от тапок и уговаривал жену: “Тише, тише, Маша, **всё потеряем**. Всё потеряем, дорогая!” Не знаю, потерял ли он “всё”, или крики жены не услышали, и он продолжал работать в том же качестве, но опасение – “всё потеряем” многих высокопоставленных особ заставляло умирять свои вожделения.

“А москаль спивает...”

В Крыму в 1999 году отмечали 200-летие Пушкина. Приехала представительная украинская делегация писателей. Во главе Дмитро Павлычко, Иван Драч, секретари писательских организаций.

С Павлычко давно знакомы. В новой Украине фигура заметная, представитель власти. Напоминаю: “А помнишь, тебя издали в “Библиотечке избранной лирики” “Молодой гвардии” 500-тысячным тиражом?” – “О то была казка!” Я напоминаю, что всё сейчас развалили. Он разводит руками. Возлагаем цветы в Ялте у памятников Пушкину, Лесе Украинке, Богдановичу (классик белорусской литературы). Делегация из Белоруссии приехала. И пошли ещё к не очень известному, но яркому украинскому писателю, переводчику, поэту Степану Руданскому, написавшему изумительную, печальную и с надеждой песню “Повій, вітре, **на Україну**” (хотелось бы напомнить выправителям украинской мовы, что Тарас Шевченко также писал “**на Україні** милой” (як умру, то поховайте) и тоже не чурался предлога “на”). Павлычко величественно сказал: “Ось цю пісню і виконаєм. Оксана (красавица из Винницы), заспівай, всі разом”.

Все запели, и я с ними, ибо у нас дома и в Николаеве, и в Киеве, и в Москве Светлана и все мы эту песню пели и любили. С первым куплетом было всё в порядке – все знали. Второй пропела одна Оксана, а третий – не помнила и она. Пел один я. В стороне стоял и корчился от смеха Владимир Казарин, зам. главы правительства Крыма, великий славянофил и утвердитель братства русских и украинцев. “Ты чего?” – спросили у него. “Так **хохлы молчать, а москаль спивает!**”. Да, так бывает, но чаще второй куплет “большие патриоты” не знают и у нас.

Футбол – партийный вид спорта

Под своё начало в обкоме комсомола я получил политпрос, художественную самодеятельность, комсомольские патрульные дружины, правонарушителей, хоровые коллективы, студентов и спорт. Надо было везде побывать, познакомиться с ребятами, поговорить, узнать о проблемах. Мои соседи по общежитию Вена и Витя подзуживали: “Ну, что так плохо играет “Судостроитель”?” Особенно их задевало, что он проигрывает одесскому “Черноморцу”. Дошла очередь и до “Судостроителя”. Пришёл в раздевалку, стал укорять ребят, говорил о патриотизме, напомнил, что Николаев возник на несколько лет раньше Одессы. Да и вообще, надо помнить о комсомольской ответственности перед городом. Футболисты молчали, с некоторым удивлением поглядывая на посланца комсомола. Тренер куда-то вышел во время моих филиппик, я попрощался с каждым за руку и приехал в обком комсомола. Там ждал нагоняй от Василия Немятого, первого секретаря: “Тебя кто туда посылал? Вот звонил уже секретарь обкома партии Момотенко, на тебя уже тренер пожаловался. Он сам футбол контролирует. **Запомни: футбол – партийный вид спорта**”.

Чтобы лучше была...

Моя дочь уже давно взрослая, всё умеет, но каждый раз повторяет: “Вот, как мама учила”. Она уже готовит лучше мамы, украшает дом не хуже, собирает все мои разбросанные записки, классифицирует их, как Света, но каждый раз повторяет: “Вот, как мама учила”. Это хорошо, конечно, думаю, когда это в ней появилось? Да, всегда было. Помню, когда она вышла погулять после небольшой взбучки и встретила такую же восьмилетнюю, как она, Ленку Попцову, и та сразу предложила ей какую-то игру, Марина раздумывала. Тогда Ленка спросила: “Тебя когда-нибудь мама наказывает?” Маринка вздохнула и призналась: “Да, наказывает”. Ленка победоносно на неё посмотрела и сказала: “А меня не наказывает”. Марина подумала и, чтобы не оставлять впечатление о жестокостях родителей, ответила: “А знаешь, почему она меня наказывает?” – “Почему?” – “**Да чтобы я лучше была...**” Эту фразу наши семьи взяли на вооружение: “наказывает, чтобы лучше была”.

Последний хохол империи

После смерти Сергея Лыкошина самым верным и последовательным бойцом святой Руси в аппарате Союза писателей России остался Сергей Иванович Котьяло. Он прошёл постижение литературы русской и мировой сам, в Литературном институте, в журналах “Молодая гвардия” и “Дружба”. Периодически за строптивый характер и служение правде изгонялся из разных мест, работал строителем, восстанавливал Данилов монастырь и другие русские святыни. Обладает феноменальной памятью, знает наизусть многие духовные тексты и русскую классику. Спорить с ним было нелегко – он оперировал точными знаниями и книгами. И ещё он был яростным борцом за святую Русь – Россию, Украину, Белоруссию. Тут не было пощады “высокоумным патриотам”, “свидомым украинцам”, латинизированным белорусам. В российских СМИ нередко провоцировалось великорусское чванство, пренебрежение – “куда они денутся”, в ющенковских “самостийных кругах” стоял истошный вопль о европейском пути Украины, в худосочных последователях Беловежской Пути в Белоруссии усиленно вытаскивали польскую шляхту, выдавая её за белорусскую (вековечно измывавшуюся над белорусами). Это было горько и обидно. Надо было снова соединять восточных славян, давать им единое знамя. И оно было, о нём сказал в своих триумфальных поездках на Украину и Белоруссию Патриарх Кирилл – единая святая Русь. Для Котьяло это цель жизни, его дух. Он вместе с нами мотается по Украине, где создаются дружественные писательские организации, находит пишущих людей, которые укрепляют эту дружбу, принимают участие в создании единого русско-белорусского Союза писателей, резко обрывает хулителей этого объединения. В этом направлении работает созданное им общественное объединение “ИХТИОС”, журнал “Новая книга России”.

Мало ли что становится при его участии фактом нашей дружбы, деятельности и мысли... Почти незлобливо, по-доброму он получил прозвище, а скорее, звание – “**Последний хохол империи**”. Думаем, что не последний, и не только хохол, а русский и белорус, и не только империи, а всего Союза и объединения.

Даст Бог нам всем следовать этому пути.

К чёму цэ?

Мать Сергея Котьяло прошла всю советскую жизнь – воин Отечественной войны, колхозница, бригадир, агроном колхоза, в перестроечные годы была на пенсии. Внимательно слушала радио из Москвы и Киева, смотрела телевизионные политические передачи. Вслушивалась в путаницу и красно-речие слов, в кудые мысли и противоречивые фразы. Потом вздыхала и говорила как бы себе: “К чёму цэ? (К чему это?)” Да, действительно, всё больше было путаников, безответственных политиков, экономистов, философов, чьи речи были бездумны и запутанны. Действительно, “**к чёму цэ?**”. Обилие болтовни, пошлости, вранья. Однако эфир и СМИ полнятся.

Диссертация по Блоку

Когда я был в гостях у композитора Георгия Свиридова, с которым мы очень дружили, он стал увлечённо рассказывать о стихах Блока, декламировать их, вспоминать, где и когда Блок их написал, под каким влиянием или впечатлением. Много услышал впервые. Я с изумлением сказал: “Георгий Васильевич, дак Вы запросто можете защитить диссертацию по Блоку и его творчеству. Такие знания!” Эльза Густавовна (его жена) всплеснула руками: “Да разве по Блоку только? Послушайте, как он рассказывает о Есенине, о Фете. А по Пушкину он давно уже академик”. Да, Георгий Васильевич был “литературный” композитор, знал творчество поэтов, их страсти, их мысли, наполнял их звуками.

И что радостно – он знал и любил современных поэтов и писателей, а мы (Распутин, Крупин, Костров, Куняев, Астафьев) бывали на его концертах и в гостях. Он и сам любил приходить в Союз писателей России. “Мне здесь тепло и уютно”, – говорил Георгий Васильевич.

Останний раз пишу...

На Украине выходил чудесный юмористический журнал “Перец”. Его главным редактором был известный по всей республике юморист, байкар (баснописец) и острослов Степан Олейник. Но вот был у него один грех – он не сдерживал себя и ругался, нередко и на своих работников. Те осерчали и написали в ЦК партии (вот чем иногда приходилось заниматься высшему органу коммунистов). Там состоялся секретариат, Степану сделали выволочку и даже, говорят, вынесли догану (выговор). Степан возвратился с секретариата чернее тучи. Сослуживцы смотрят, как себя поведёт Главный. Он молча потребовал все материалы в номер. Читает, хватает красный карандаш и на первой корреспонденции размашисто пишет: “Гимно! останний раз пишу, но гимно!” Не знаю, писал ли ещё “останний” (последний раз) Степан Олейник, но сослуживцы больше в ЦК не жаловались.

Какая Вы сегодня длинноногая!

Василий Дмитриевич Захарченко, блистательный (и по внешности, и по обхождению) человек поучал меня: “Валера, говори людям побольше хороших слов. Женщин засыпай комплиментами”. Когда я говорил, что комплимент сразу не придумашь, он отвечивал: “А ты не придумывай, а скажи ей сразу с утра: “Какая вы сегодня длинноногая” – и она будет довольна и рада”.

Вместе со всем народом

В начале встречи команданте Уго Чавеса с митрополитом Кириллом, бывшим тогда руководителем Отдела внешних отношений Патриархии, в Каракасе (митрополит совершал поездку по приходам Русской Православной Церкви в Латинской Америке) произошел интересный диалог, как рассказал мне присутствовавший при этом человек. Команданте протянул руки, выходя из-за стола, и, приветствуя митрополита, громко сказал: “Приветствую Вас. Мне только что звонил Фидель Кастро, который три часа беседовал с Вами, он сказал мне: “Ты сейчас будешь беседовать с самым умным человеком планеты. Наши кардиналы, – сказал мне Фидель, – чего-то не понимают”. И дальше полушутя-полусерьезно сказал: “Товарищ митрополит, примите меня в Православие!” Митрополит в том же духе ответил Уго Чавесу: “Да, но только вместе со всем народом”.

А зачем мне это нужно?

В советские времена каждый год проводилась Неделя детской книги, которая открывалась в Колонном зале Дома Союзов. Торжественно, шумно, весело. Агнию Барто окружили первоклассники, к ней протягивали книжки, блокнотики, приглашения, чтобы она расписалась, дала свой автограф. Энергичная девочка, расталкивая других, прорвалась к Агнии Львовне, про-

тянула бумажку, та расписалась, автограф был получен. Девочка отошла в сторонку, долго рассматривала надпись, потом так же энергично прорвалась к Барто и требовательно спросила: “Тетя, а зачем мне это нужно?” Агния Львовна пожала плечами, не знала, что и ответить. Да на такой вопрос ответить нелегко.

Основной и постоянный закон социализма

В Киевском университете у нас “философы”, то есть студенты философского факультета, считались самыми мудрыми. Иван Жмыря к тому же был старше нас, историков, на один курс и говорил афоризмами. Ажиотаж вокруг сталинской работы “Экономические проблемы социализма в СССР” уже спадал. Но Ваня поучительно обращался к нам: “Ты знаешь основной постоянный закон социализма?” В ответ на наше неопределенное молчание вздыхал, удивляясь нашей отсталости, провозглашал: “Основной и постоянный закон социализма это закон о временных недостатках!” Ошарашив своим знанием, оставлял нас при размышлении, то ли он шутит, то ли смеется над нами, то ли знает политэкономия лучше.

Исторический и придуманный герой

В 1995 году я попал на неделю в Анапу, там отдыхал в одном из домиков строительного треста. Я сидел в тени и писал своего “Ушакова”, а вечером рядом веселились крепкие и здоровые мужики, наверное, казаки.

Один из них подошел и дружелюбно спросил: “Ты что делаешь? Ты кто?” Я ответил, что писатель. Он вытащил меня к столу, где находился весь “букет отдыхающего”: светлая, на травках, ну и все кавказские вина. “Ты что написал?” Объясняю: историческое повествование “Росс непобедимый”. Про век XVIII, про южное морское окно России в Европу, Азию и Африку и о том, как Екатерина переселяла черноморских казаков на Кубань. Там вообще много исторических лиц: князь Потемкин, Суворов, Ушаков, писарь войска запорожского, который и привел казаков сюда, фамилия его Головатый.

“Постой, постой, – вскричал один. – Я и есть праправнук того Головатого”. – “А ну покажи паспорт”, – потребовал я. Какая художественная радость обнаружить потомков своего героя. Стакан “Кубанской”, конечно, выпили. Но потом я добавил, что у меня там не только исторические реальные герои, но и художественно придуманные обобщенные мной образы. Вот, например, казак Щербань, что следует по всем страницам. “Постой, постой, – вскричал второй. – Какой я выдуманный. Моя фамилия Щербань, и я тоже из казаков”. Не без недоверия я попросил и его показать паспорт. Да – Щербань! Конечно, закрепили это событие, а на следующий день реальные и художественно придуманные герои меня провожали, как будто я побрызгал их живой водой.

Хотели как лучше... чего?

Виктор Степанович Черномырдин – та политическая фигура, вокруг которой немало высказываний, причем самого разнообразного свойства. Мы же сегодня вспоминаем его качество подлинного словотворца, неученого лингвиста, выдающего в свет неожиданные высказывания, порой становившиеся пословицами.

Чего стоит его знаменитое изречение: “Хотели, как лучше, а получилось, как всегда”; “Лучше водки хуже нет”; “У нас в стране какие партии ни создавай, все – КПСС”; “Здесь вам не тут”; “Вот тут за телеканалы борются два еврея, а какая в них разница?..”.

Особо он любил обозначить казачье начало в предмете. Ведь он был из рода оренбургских казаков. Поэтому, когда создавался Шолоховский комитет, В. Черномырдина пригласили вместе с М. Алексеевым, В. Ганичевым, Ф. Кузнецовым возглавить его. Он с какой-то юношеской энергией воспринял это и выпустил (за свой счет) стотысячный “Тихий Дон”, участвовал в выпуске первого и второго рукописных томов после многолетних и, возможно, умышленных потерь последних. Множество журналистов было у нас в Союзе писателей России, когда тома представили публике. Виктор Степанович выступил, в общем, как шолоховед.

Но речь все-таки не об этом. После избрания Предсовмином он осторожно вел поиск тех людей, которые умели работать, а не только громить предыдущие времена. Одним из таких людей стал Виктор Поляничко, которого я знал и с которым дружил более тридцати лет. Виктор работал в Челябинске, потом в ЦК ВЛКСМ, секретарем Оренбургского обкома партии, в секторах отдела пропаганды ЦК партии. Оттуда его послали в Афганистан, где он стал консультантом у Президента Наджибуллы. Здоровый, крепкий, он был под стать этому лидеру афганской революции, которого предало политическое руководство нашей страны того периода.

Поляничко был в Афганистане до последнего. Был отозван, уехал, его избрали секретарем компартии Азербайджана, где уже начали греметь выстрелы Нагорного Карабаха, начались погромы, а там и Советский Союз распался. Он возвратился в Москву, занимался наукой, пробовал себя в коммерции, но душа не лежала. Тут и последовало предложение Черномырдина: стать представителем Правительства в ранге заместителя председателя Правительства в зоне кровавых стычек между осетинами и ингушами.

Черномырдин знал Поляничко, когда в советское время сам был директором строительства Орского металлургического комбината, а Поляничко был комсоргом на стройке. Его хватку, умение говорить с людьми, разрешать конфликты он видел тогда. И вот пришло время применить их там, где льется кровь.

Виктор позвонил мне и сказал об этом. Я напустился, выговорил ему: “Ты уже под пулями был в Афгане, в Азербайджане, чего ты будешь кого-то обслуживать”. Он тихо ответил: “Там же люди погибают, попытаюсь умирить их”. В общем, разговор закончился, и я сказал: “Виктор, я тобой горжусь, но береги себя”. Он пообещал приехать на мой юбилей (его день рождения был за два дня до моего).

Возопил “Московский комсомолец”: “Опять “коммуняк” возвращают”. Виктор же начал решительно, провел сбор стариков с той и другой стороны, встретился с общинами, закрыл два легальных рынка оружия. Работал неустанно. Террористы не могли простить такого вмешательства в их планы. В горном ущелье он был расстрелян в машине со своими спутниками.

На поминках я оказался рядом с Виктором Черномырдиным. Мы помянули друга, Виктор Черномырдин, зная наше неодобрительное писательское мнение о многих действиях властей, спросил: “Что надо? Чем помочь?” Я ответил, что ничем. (Хотя проблем было много.) Через год, по каким-то неизъяснимым причинам того времени, Союз писателей оказался заложником ситуации. Банк “Изумрудный”, который был арендатором третьего этажа нашего здания и оплачивал по договору предыдущих лет расходы на содержание здания, обанкротился, и громадную сумму денег обязали, опять по каким-то запутанным правилам, выплачивать Союз. Мы были никудышными финансистами и юристами и не могли отстоять свои права и отвергнуть притязания. Даже для тех лет сумма долга была громадной — 2 миллиарда (!) рублей.

Государство нам ничего не давало и давно не финансировало, взносы (мизерные) оставались на местах. Крах? Здание Союза писателей отбиралось, все выдворялись на улицу. Обращались везде: помогите. Никто не откликнулся. И тут кто-то предложил обратиться к Правительству. Было почти бесполезно, но вспомнил вопрос Черномырдина на поминках. И написал письмо.

Через несколько дней в квартире раздался звонок, подбежала внучка и сказала мне: “Там какой-то Черномырдин”. Я подошел, он сразу спросил: “Что там?” Объяснил. Еще вопрос: “Сколько?” Откровенно говоря, горло пересохло, я нерешительно сказал: “Два миллиарда”. И новый, совершенно неожиданный и, честно говоря, непонятный вопрос: “**Чего?**” Я объясняю: “Два миллиарда рублей”. Пауза и быстрый ответ: “Завтра решение примем из резервного фонда Совмина. Куда перечислить? В министерство культуры?” — “Что Вы, там они и останутся. В минфин, там есть заместитель, которого мы знаем, и тот нам поможет”. — “В общем, послезавтра получайте, расплачивайтесь”.

Целый месяц мы расплачивались с коммуналкой, электричеством... И когда не осталось ни рубля, вздохнули. Знающие люди говорили: “Эх ты, простофиля, сказал бы долларов, жили бы припеваючи”.

Интриги, батюшка, интриги

Встретил я однажды знакомого приятеля, который работал в высокопоставленном аппарате. Поздоровался, увидел, что он как-то осунулся, стал не таким уверенным, спросил: “Что-нибудь случилось?” Он сказал: “Давай я тебе другую историю расскажу. Знаешь, нередко к Мавзолею я поднимался по Красной площади, а там, помнишь, справа возле стен большой туалет находился, там чисто, светло, цветы в горшочках стоят. Познакомились с уборщицей Марией Ивановной. Проходил там часто и заглядывал, но однажды мою знакомую там не встретил. А через несколько месяцев оказался на окраине Москвы, захожу в туалет, стены тюремной синей краской покрашены, на окнах решетка, пол грязноватый, да и мухи летают. Ба! А там дежурит моя знакомая. Я к ней: “Марья Ивановна! Как Вы здесь оказались?” Она скорбно потупилась: “Интриги, батюшка, интриги”.

Я понял, для чего мой знакомый поведал сию историю.

Всё равно возьмём

В четвёртом классе в 1944-м и 1945 году дали ответственное поручение: передвигать красную ленточку продвижения наших войск на большой фанерной карте, которая стояла в центре нашего села. Прослушав утром сводку Совинформбюро, я бежал и передвигал ленточку вперёд. Иногда приходилось дописывать на карте города, которых там не было. Но особенно хотелось передвигать ленточку вперёд, когда об этом не сообщалось, особенно в 1945 году. В начале апреля я передвинул ленточку вперёд на сам Берлин. Подошедший безногий фронтовик покачал головой: “Берлин-то ещё не взяли”. Я понимал, что этого не произошло, и полез отодвигать ленту. Фронтовик остановил: “Не надо, **всё равно возьмём**”. Так я взял Берлин по твёрдому указанию фронтовика на десять дней раньше его капитуляции.

“Жить без здоровья”

Валентин Григорьевич Распутин человек серьезного, часто трагического, нравственного бытия. Но в отношениях с людьми он нередко тихо шутит. Одна из последних его мягких шуток: на вопрос “Валентин Григорьевич, как здоровье?” – Валентин вздыхал и отвечал: “Да знаешь, я решил жить без здоровья”.

Не перехмуриваться...

Как буря, врывается в издательство Егор Исаев, полный размышлений, высказываний, стихов. От него нелегко было уйти, не выслушав порцию высказываний. Запомнились его слова: “**Не надо перехмуриваться...**”; “**Мы ребята с придурью, но не дураки...**”

Не спаивайте

Василий Белов – выдающийся русский писатель, был человек нестандартный, неожиданный в своих выводах и выступлениях.

Губернатор области Позгалев рассказывал, что в первый день своего выхода на работу к нему в кабинет вошел Белов и сказал: “Мы будем Вас беспощадно критиковать за наплевательское отношение к нуждам людей”. Я, сказал губернатор, согласился, но заметил, что работаю всего один день, и попросил критику перенести на другие сроки. Василий Иванович задумался и произнес свои знаменитые слова: “**Все впереди**”, которые стали названием его романа. Как всегда, в эти годы он боролся за деревню, за крестьянина, за землю. В 80-е годы резко выступал против пьянства, чем нередко озадачивал своих собратьев.

В Иркутске, на ежегодном празднике “Сияние России”, после выступления в аудитории писателей повели на ликероводочный завод, который один, из небольшого количества предприятий города, был рентабельный, даже с большой прибылью. Директор завода с энтузиазмом рассказывал, что чистая байкальская вода является залогом выдающихся качеств иркутской водки, и она поэтому идет даже за границу, дает прибыль в валюте. Василий Иванович слушал, слушал, а потом резко сказал: “Вот вы и спаиваете наших лю-

дей, делаете их дебилами и пьяницами. Разве вам не стыдно?” Директор завода, ожидая похвалы за умелое ведение хозяйства, опешил, стал неуклюже оправдываться, что-то обещал... Василий Иванович встал и, не попрощавшись, стал уходить. За ним потянулись нехотя и другие. У входа остались и сумочки с двумя бутылками из чистой байкальской водки, которыми хотел одарить писателей директор. Кто-то с сожалением остановил на них свой взгляд, но взять не решился. Авторитет Белова был непререкаем.

УЛЫБКА ШОЛОХОВА

Конечно, неисчерпаем в своей усмешке Михаил Александрович Шолохов. Его хрестоматийный дед Щукарь породил галерею хитрющих, простоватых, себе на уме героев. А его боец, неунывающий, боевой, находчивый Лопахин из “Они сражались за Родину” явил тип солдата войны, своеобразного Теркина, терпевшего урон, поражение, но победившего. Его юмор, насмешки, подначки естественны.

В моем личном арсенале немало выражений, ситуаций, веселых или по крайней мере забавных историй от Шолохова. Возможно, некоторые из них были мифом, некоторые рассказывал он сам. Вот, например:

“Больше кого, товарищ Сталин?”

Весной 1942 года, приехав в Москву с Западного фронта, сдав журналистские материалы в “Правду” и “Красную звезду”, он нехотя согласился встретиться с американским капиталистом, который привез помощь. Когда тот, сидя в кресле, барственно протянул ему руку, Шолохов поднял его резким: “Встать!”. Тот встал, даже вскочил, с опаской вглядываясь в писателя.

Шолохов в застолье повздорил с Эренбургом: тот увидел в Калуге убитую еврейскую девочку, не заметив тысячи убитых калужан. С досады от такого невнимания ко всем жертвам “хлопнул” рюмку водки и вышел, хотя его просили задержаться. Вечером хотел уехать на фронт, но решил, что уедет утром. А утром в дверь постучали два крепких капитана: “Товарищ Шолохов?” — “Да”. — “Проедемте с нами”.

Ехали из гостиницы “Москва”. “Если прямо, то к Лаврентию, — рассказывал позднее Шолохов, — если направо, то в Кремль”. Повернули направо, проехали в Спасскую башню, провели по коридорам. И оставили в комнате, где сидел мурый Поскребышев (помощник Сталина).

“Я сел, — рассказывал Шолохов, — положил руки на колени, а галифе замасленные, когда тушенку поешь, то руки положишь, они же жирные”. Посидел полчаса. Звонок. Поскребышев, открыв дверь, шепотом сказав: “На этот раз тебе, Михаил, не отвертеться”. Шолохов пожал плечами и шагнул в кабинет. У окна спиной к нему стоял Сталин и курил трубку. Минута, две, три... Он, не оборачиваясь, спросил со своим небольшим акцентом: “Товарищ Шолохов, гаварят, вы стали больше пить?” Ну не объясняться же, Шолохов и спросил: “Больше кого, товарищ Сталин?” Трубка задымилась, заклубилась, Сталин усмешливо покачал головой, обернулся и предложил: “Садитесь, товарищ Шолохов”. И вслед за этим неожиданный вопрос: “А вы не помните, когда Ремарк написал “На Западном фронте без перемен”?” — “В двадцать восьмом или двадцать девятом, кажется”. — Сталин прохаживался вокруг стола и сказал: “Мы не можем столько ждать, товарищ Шолохов. Мы должны показать, как наш народ воюет”.

Беседовали долго, он расспрашивал, что говорят солдаты, как сражаются офицеры, где самые гибельные бои. Шолохов не говорил об этом прямо, но, возможно, тут и зародилась мысль о большой книге о войне. Впереди были еще Сталинград, Курск. Распрощавшись, Шолохов вышел мимо Поскребышева и ткнул тому под нос кукиш: “На!” А главы из “Они сражались за Родину” появились в “Правде” уже в конце войны.

“И за отсутствующих здесь женщин!”

После очередной беседы-разгона с творческой интеллигенцией в Кремле Хрущев пригласил всех участников на прием. Проходя рядом с Шолоховым, он сказал: “Поведи стол, Михаил, ты же знаешь, как с интеллигенцией обра-

щаться”. Шолохов, как всегда, разгладил усы и стал во главе стола. Известно, что первый тост по кремлевскому ритуалу произносился за Генерального секретаря ЦК КПСС (тогда Председателя президиума). За этим внимательно следил Михаил Андреевич Суслов. Шолохов же предложил тост “За нашу Родину, Советский Союз!”. Кто бы возражал, но Суслов напрягся. Ну ладно, второй тост. Хрущев сидел рядом, с одной стороны Нина Петровна, с другой Екатерина Фурцева. Шолохов взглянул на них, других женщин и боевито предложил: “Давайте поднимем наши рюмки за присутствующих здесь женщин”. Все с удовлетворением выпили, Никита Сергеевич чокнулся со своими соседками. Михаил Суслов был обескуражен. Ну, наверное, следующий? Шолохов без особого перерыва провозгласил третий. Ну вот, слава Богу, наверное, скажет по ритуалу. Шолохов погладил усы и с усмешкой сказал: “А теперь давайте выпьем за отсутствующих здесь женщин”. Было весело и даже зазорно. Суслов держался за сердце. Спас Сергей Михалков, он всколик и провозгласил: “Давайте выпьем за нашего руководителя, дорогого Никиту Сергеевича”. Стулья задвигались, все встали. С тех пор тост “за отсутствующих здесь женщин” пользуется неизменным успехом.

“Вот тут-то ее и пить, Миша, развезет...”

А вот уже из того, что видел и слышал сам. В 1967 году в Вешенской прошел выдающийся семинар-встреча с молодыми писателями страны. А молодыми тогда были Василий Белов, Владимир Фирсов, Лариса Васильева, Олжас Сулейменов, Феликс Чуев, да, в общем, 30 человек из Советского Союза и других стран.

Шолохов сказал вступительное слово, об ответственности писателя, пригласил всех выступить на вечерней казачьей сходке. Особенно радостно было, что с нами Юрий Гагарин. О розыгрышах и улыбках Юры я уже рассказывал. А он был весел, говорлив, расположен к шуткам. Шолохов глядел на него с любовью, как отец на сына.

На берегу Дона, когда мы всей гурьбой расположились возле дуба, Юра занял кутерьму, играл в волейбол, ходил на руках, кинулся в Дон. Шолохов, усмехаясь, попросил: “Ты, Юра, мне писателей не угрожь, они же слабенькие”.

А Юра свои розыгрыши начал ещё в самолёте, когда летели из Москвы. Он сидел на первом ряду с Сергеем Павловым, первым секретарём ЦК ВЛКСМ. А через проход я и Юра Верченко, как организаторы семинара. Ну, на первый ряд принесли закуски, и вдруг вижу: девушки-стюардессы вокруг меня тоже начали суетиться, привезли тележку, поставили рюмки коньяка, бутерброды с икрой. Вдруг вижу: Юра давится от смеха. С чего он это? Девушки за ним ухаживают, а он серьёзно говорит: “Да я-то что, а вот тот длинный блондин первый полетит на Луну”. Так я и слетал на Луну!

А нас следующей день после утреннего заседания у нас был обед в хуторе Каргинском. Жара была 35 градусов. Хотя закрыли ставни, но есть не хотелось. Сыр загнулся, водка была теплая. Мы застонали: “Жарко ведь, Михаил Александрович”. — “А я сейчас ехал, — сказал он, — навстречу кум Петро, на одном плече и руке пиджак, во второй руке ополовиненная бутылка водки. Я ему говорю: “Что ж ты, Петро, пьешь-то, жарко...” Он переложил водку в другую руку и поднял палец вверх: “Вот тут-то ее и пить, Миша, развезет...” Мы захохотали. Немножко и нас развезло.

Ты все “сено пьешь”. У каждого казака в глазах должна быть мутнинка

Ну и, конечно, он был мастером короткого, точно, незабываемого слова, определяющего суть явления. Я встретил его в больнице на улице Грановского. Он расспрашивал, что вышло в издательстве “Молодая гвардия”, интересовался, какие стихи, что написал Володя Фирсов, которого он любил. Надо ж тебе строчка — “А соловей свирепствовал!” Я сказал, что все обсуждают “Судьбу” Петра Проскурина, но многие высказываются, что она чрезмерно рыхла и пухла. Попыхивая неизменной сигарой в мундштуке, Шолохов сказал слово, которое указало на недостатки романа: “Недопек Петро, недопек”.

Я призывал Шолохова пить обязательно травяные настои, которыми меня поила Светлана. Ухмыляясь, на следующий год он спросил: “Ну а что, Валера, ты все сено пьешь?”, принизив мой медицинский ранг.

Можно вспомнить многое, но вот еще одно яркое неожиданное слово.

Я попросился принять очень упрасивавшего поговорить с Шолоховым моего коллегу из Болгарии, директора издательства “Народна младеж” Попова. Шолохов вздохнул и разрешил: “Нашим можно”. Мы приехали, в группе были еще писатели Анатолий Иванов, Владимир Чивилихин, Владимир Фирсов. Весь вечер проговорили о “Тихом Доне”, его прообразах, о гражданской войне, казачестве. Когда прощались, он попросил секретаря райкома Маяцкого: “Ганичева мы в казаки уже принимали, надо ведь и Попова принять”.

Для Маяцкого Шолохов не только литературный авторитет, он верховная власть. “Все будет сделано, Михаил Александрович”. В гостинице, в комнате для гостей уже все было приготовлено. Секретарь сказал: “Главное, Попов, казак должен любить свою Родину”. За это выпили стакан граненый, все 200 будет. Попов должен был выпить до конца. Председатель Исполкома сказал: “Казак должен любить землю, холить и лелеять ее”. Опять граненый стакан. Женщина, председатель колхоза сказала, что казак должен любить жену и вообще быть достойным мужем. Опять Попов должен был выпить граненый. Военком сказал, что казак должен уметь стрелять, быть зорким. Опять граненый. В общем, до десяти наставлений, наверное. Затем пара ударов нагайкой по заднему месту. Грамота.

Утром, рано, зашли попрощаться к Шолохову. Попова поддерживали слегка. Попрощались. Шолохов спросил: “Ну а Попова-то приняли в казаки?” Говорим: “Да, приняли”. Он подошел поближе, взгляделся в нового казака и, улыбаясь, сказал: “Да, вижу, что приняли. У каждого казака в глазах должна быть мутнинка”.

(Окончание следует)